

ОТДЕЛ СКРЫТЫХ ДЕЛ

КНИГА ПЕРВАЯ: НИТИ СУДЬБЫ

НЕ ПЕРЕСЕКАТЬ ПРЕДЕЛ! РАБОТАЮТ КРОМНИКИ.

ЕВГЕНИЙ
ГАРЦЕВИЧ

Евгений Гарцевич
Отдел скрытых
дел: Нити судьбы
Серия «Отдел скрытых дел», книга 1

*<https://litres.ru/73907191>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Я был экспертом-криминалистом и вёл подкаст о нераскрытых преступлениях. Верил, что любое дело можно довести до конца. Но всё изменилось — во время расследования жестокого убийства я столкнулся с тем, что не вписывается ни в один протокол.

Так я узнал, что мир устроен иначе. Есть Дома — носители древних сил, ведущие скрытую войну. Есть одиночки, которые живут по своим правилам. Есть аномалии — то, что вообще не должно существовать. И есть Орден Кромников, который следит за тем, чтобы всё это не вышло из-под контроля.

Мне досталась часть этой силы — и я стал проблемой.

Чтобы не решать её, Кромники убрали меня в архив — туда, где лежат забытые дела и доживают те, кого уже списали.

Плохая идея.

Пока они пытаются понять, что со мной делать, я уже взялся за первое дело...

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ: НИТИ СУДЬБЫ	4
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	44
Глава 5	56
Глава 6	68
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Евгений Гарцевич

Отдел скрытых дел: Нити судьбы

КНИГА ПЕРВАЯ: НИТИ СУДЬБЫ

Я был экспертом-криминалистом и вёл подкаст о нераскрытых преступлениях. Верил, что любое дело можно довести до конца. Но всё изменилось — во время расследования жестокого убийства я столкнулся с тем, что не вписывается ни в один протокол.

Так я узнал, что мир устроен иначе. Есть Дома — носители древних сил, ведущие скрытую войну. Есть одиночки, которые живут по своим правилам. Есть аномалии — то, что вообще не должно существовать. И есть Орден Кромников, который следит за тем, чтобы всё это не вышло из-под контроля.

Мне досталась часть этой силы — и я стал проблемой. Чтобы не решать её, Кромники убрали меня в архив — туда, где лежат забытые дела и доживают те, кого уже списали.

Плохая идея.

Пока они пытаются понять, что со мной делать, я уже

взялся за первое дело...

Глава 1

Красно-синие лучи мигалки мазали по тёмной улице. Красный скользил по грязным окнам первых этажей, а синий оседал на стенах ветхого подъезда. Перекошенная дверь была распахнута, у лавочки сломана спинка, фонарь разбит. Заросший палисадник с широкими лапами кривых кустов вызывал сомнения, что где-то здесь были камеры. Да и не факт, что там получится хоть кого-нибудь разглядеть — в такой темноте.

Улица была совершенно пустой, только за полицейской машиной кого-то выворачивало наизнанку.

Опираясь на бампер, из-за неё вышел мужчина, смачно сплюнул и повернул ко мне кислую физиономию. Я его знал — с участковым Петром Захаровым мне приходилось работать довольно часто.

— Лёха? — сфокусировавшись, будто пьяный, уточнил полицейский.

— Что там? — спросил я, махнув рукой на подъезд.

— Там жёсть, — побледнел участковый и, согнувшись, снова скрылся из виду.

Но уже больше хрипел и кашлял. Видимо, не в первый раз.

— Ты в судьбу веришь? — спросил он, когда вернулся. Мигалка обливала мертвенным светом его растерянное лицо.

Мне хотелось поскорее приступить к работе, но не ответить на такой вопрос я не мог.

— Я верю только в то, что можно доказать. Ну и в цепочки случайностей, которые вполне ложатся в доказательную базу. А к чему вопрос?

— Сегодня наши играют, — вздохнул Захаров, — важный матч. Я за месяц график дежурств крутил-мутил, чтобы сегодня выходной взять. И прикинь? На минутку завозился, свалить не успел, как этот вызов поступил. А у меня пивас в холодильнике, вобла подготовлена. Сразу кусочками, её даже чистить не надо, чтобы жена потом не ворчала, что чешуя везде... А я тут... За что мне это всё, а? — Он в сердцах сплюнул. — Извини, что грузу тебя, но что это, если не судьба? Ты сам-то чего опаздываешь? Ваши все уже здесь.

Участковый махнул рукой в сторону служебной «газели» нашего отдела, припаркованной у соседнего подъезда.

— Так меня тоже с выходного подняли, — пожал плечами я. — А в остальном просто стечение обстоятельств. — Я усмехнулся. У меня тоже были совсем другие планы на вечер. — «В условиях нехватки кадров и количества одновременно совершённых преступлений». Сам знаешь, что в подземке произошло.

— Знаю, — вздохнул патрульный, — но думал, что там уже закончили.

— Там ещё неделю будут копать. Резня, девять трупов. Так что судьба тебя ещё поберегла. Может, на второй тайм

успеешь.

Я поёжился, глянув сперва на небо, а потом по сторонам. Обещали дождь. Как бы не пришлось потом искать следы на улице.

— Не, не судьба. Мне ещё соседей опрашивать, — скривился участковый, посмотрев на часы, а потом указал на подъезд. — Четвёртый этаж. Там реально жёсть. Я вроде привычный, но всё равно не понимаю, как вы с этим справляетесь.

— Ко всему привыкаешь, — буркнул я себе под нос и пригнулся, заходя в открытую дверь.

Не то чтобы я был таким уж здоровяком, просто в старых домах дверные проёмы делали небольшими ради сохранения тепла. Обратил внимание, что замок кодовый, без домофона и камеры. В подъезде тоже ничего не намекало на современные технологии. Пахло плесенью и типографской краской от свежей пачки рекламных объявлений, распиханными по почтовым ящикам.

Я переступил порог и замер, чтобы привыкнуть к тусклому освещению и чтобы впитать в себя дух, запах и атмосферу, которая могла подсказать что-нибудь, либо обрисовать картину произошедшего.

Из стандарта выбивалась, для начала, несвойственная для жилого подъезда тишина. Из-под лестницы торчал капюшон коляски с облезлой ручкой. На потрескавшейся плитке остались следы грязных колёс, значит не раритет. В доме точно

есть младенец. На стене следы собачьей мочи. Не дотерпел кобель до улицы, бывает. Однако почему-то не слышно ни детского плача, ни лая — хотя и младенцы, и собаки достаточно чутко реагируют на подобные события.

За мусоропроводом на третьем этаже я нашёл чьё-то «гнездо», пропахшее потом и сивухой, а также заначку из сплюснутых пивных банок, «розочку» из разбитой бутылки с горлышком, обмотанным изолентой, и прочий мусор, но самого владельца не было. И следов работы коллег я не видел: либо ещё не добрались, либо не наш клиент.

Из двери на четвёртом этаже лился свет, шипела вспышка фотоаппарата, кто-то тихонько бубнил. Макс, мой напарник, выкручивал дверной замок. Я не считал его конкурентом, а вот он, наоборот, будто какое-то соревнование выдумал и старался во всём обойти меня, заодно подмечая все мои косяки и докладывая о них начальству.

— А ты не торопился, — вместо приветствия проворчал Макс. — У нас рук не хватает, а ты небось опять своим блоггом занимался.

— Это подкаст, — привычно отмахнулся я, не собираясь вступать в очередную дискуссию. — Что делать?

— Кухню проверь. Изымаем ножи, вилки и... — Макс задумался и, пожав плечами, продолжил: — Тёрки, наверное, тоже. И то, чем консервы вскрывают. В общем, всё, чем можно разодрать человека на части. Да! И холодильник проверь, вдруг там недоеденная человечина осталась.

Я посмотрел на Макса, пытаюсь понять, шутит он или нет, но тот уже отвернулся, освобождая мне проход.

Быстро облачившись в одноразовый комбез и натянув перчатки, я бочком прошёл в коридор и сразу понял, что Макс не шутил.

Кровь.

Повсюду.

На полу, на стенах, на потолке. И даже в воздухе, пусть уже и в виде молекул «кровяного альдегида» с его тяжёлым, железистым запахом.

Под ногами хлюпал ковёр, пуская бурые разводы вокруг бахил на моих ботинках. Следы можно было не искать — их хватало на потемневших от старости обоях. Прямо посреди миленьких маленьких цветочков тянулись кровавые полосы, оставленные чьей-то пятернёй. Они вели в комнату, будто кто-то вырвался и кое-как выполз в коридор, но его жёстко вернули обратно. На другой стене — просто брызги, будто кто-то кистью махнул.

Стараясь ступать аккуратнее, я заглянул в комнату. Кивнул нашим, выдержал строгий взгляд Сергея Павловича (за глаза Палыча) и ответил на уставшую улыбку судмедэксперта. Начальник явно был не в духе, а Маргарита (именно Маргарита, а не Маргарита «бабушка судебной медицины» Сергеева), кажется, всегда только такой и была: уставшей, но воодушевлённой. Она подвинулась, чтобы я мог увидеть тело жертвы.

В центре комнаты в позе эмбриона лежал голый мужчина, уткнувшись лбом в скрещённые руки. Крови вокруг него на- текло много, слишком много — смерть не торопилась. Лица не было видно, но шея осталась цела. А вот спину рассекли и вывернули рёбра наружу, зацепив на них лёгкие.

— Видел когда-нибудь кровавого орла? — спросил Макс у меня за спиной.

В кино видел. На картинках в книжках видел. Даже в какой-то компьютерной игре... Но вживую, всего лишь в метре от себя, пока не доводилось. Однако я думал, что размах «крыльев» окажется больше, и как-то поровнее всё будет... Возможно, здесь делали всё в спешке и в ярости. Кривизна, кстати, объяснялась одним отсутствующим ребром. Его вырвали, так сказать, с корнями.

Я моргнул, переводя внимание в режим сканирования. Не научный термин, а скорее моя методика запоминания деталей. Немного воображения с самовнушением — и работающие в комнате эксперты застыли на месте, насыщенность понизилась, а в тех местах, где было что-то потенциально интересное, всё, наоборот, стало контрастнее.

Мозг разделил картинку на слои.

Следов борьбы или, скорее, избиения — полно. Жертва летала по всей комнате. Падала, поднималась (или поднимали) и снова падала. Телевизор разбили справа, что лишь подтверждало мои догадки.

Орудие преступления — отсутствовало. Следы рук и ног

прекрасно отпечатались кровавыми пятнами, но форма была какой-то странной: руки будто с когтями, ноги будто босиком. И тоже с когтями...

На полу валялась разбитая и растоптанная рамка с каким-то плакатом. Я присел, не касаясь, и разглядел генеалогическое древо. Причём не пару поколений, а веков так на десять. Но это единственное, что выдавало человека из хорошей семьи в простенькой и скромной холостяцкой берлоге. Конечно, не притон с кучей пустых бутылок, прокисшей капустой и тараканами, но...

Сквозь отрешённость концентрации пробился приглушённый голос Маргариты:

— Ну что я могу сказать? Это, конечно, полный треш. За сорок лет практики я видела многое. Но такое — нет. Множественные переломы, каша из внутренних органов, рваные раны, следы зубов. Если его не ели, то точно понадакусывали. И это не считая того, что сделали со спиной. Я не понимаю как, но, судя по всему, бедолага всё это время был жив.

— У него вид такой, будто его какой-то зверь задрал, — произнёс незнакомый мне голос, вероятно, кто-то из новых следователей. — Может такое быть? Медведь какой-нибудь? Что там за укусы?

— Очень сомневаюсь, что поблизости водятся медведи, — ответила Маргарита. — Да и следы зубов не похожи. Честно говоря, они вообще очень странные. Арки по форме напоминают человеческие, и в отпечатках хорошо проглядыва-

ются следы резцов и первых премоляров, но куспиды, то есть клыки, расположены слишком узко. И отметины заострённые со рваными ранами, такие следы обычно собаки оставляют.

— А это что за канавки? — спросил Палыч.

— Тоже странное. Такие канавки оставляют резцы грызунов, но опять же масштаб крупноват, — со вздохом ответила Маргарита. — В общем, я не знаю ни одного существа с такой формой челюсти.

— Думаете, это вампир? — весело спросил следователь. — Или его пытали какой-то самодельной кусалкой-ковырялкой?

— Возможно, — не меняя тона, ответила судмедэксперт, — а возможно, что-то типа ритуального убийства. Но вообще шутить не стоит, а думать ты сам должен, я только фиксирую.

— И что фиксируете? — смутился следователь.

— Причина смерти, как это ни удивительно, скорее всего, остановка сердца, и произошло это прошлой ночью, уже ближе к рассвету. Все подробности и детали, сам понимаешь, уже после вскрытия.

— Так-то его уже вскрыли, считай, половину работы сделали, — нервно хихикнул следователь.

— Очень смешно, — совершенно не весёлым голосом отрезала Маргарита. — Ладно. Я здесь всё, что смогла, сделала. Вызывайте труповозку... И поищите ребро. Может, оно

закатилось куда?

— Ага, — поддакнул следователь. — Собачка кинологов себе на память косточку стырила.

— Точно нет, — серьёзно ответил Палыч, как обычно, не уловивший шутку. — Собака даже в квартиру не зашла. Скулить начала ещё в подъезде и дала дёру. Ребята извинялись, сказали, что первый раз такое. Но в дом завести её не смогли... Собирались кого-то другого привезти, но пока что-то нету их.

Над ухом сухо щёлкнула вспышка фотоаппарата. Я очнулся.

— Ну чего завис опять? Сценарий для шоу пишешь или уже мысленно по ролям сценку разыгрываешь? — Это Макс. Он пихнул меня, намереваясь сфотографировать отпечаток на стене. — Кухня на тебе, а потом ванная. Следы туда не ведут, но надо поискать. Есть версия, что убийца был не один.

Я кивнул. Не без труда заставил себя отвести взгляд от тела и направился в кухню.

— Алексей, — окликнул меня начальник, — только давай без этого... Не для твоего блога происшествие. Не надо никому эту жёсть транслировать, понятно?

Я снова молча кивнул.

И этот, блин, туда же! Для начала, это не блог, а подкаст! Тру-крайм подкаст, если точнее. Я анонимно исследовал старые, запутанные преступления и подробно их разбирал, включая косяки следствия. Между прочим, довольно

популярный подкаст.

Правда, с некоторых пор меня стали интересовать не только старые дела. Я перестарался со своим любопытством и дотошностью, и подкаст перестал быть анонимным. Коллеги про всё это узнали и не все оценили по достоинству. Был скандал, потребовалась не одна объяснительная...

В общем, я больше не мог назвать себя душой коллектива. Кто-то стал подкалывать, а кто-то — коситься и сторониться. До увольнения не дошло, потому что мои результаты перевешивали моё «сомнительное» хобби. Маргарита единственная ко мне нормально относилась, но она ещё с моим отцом работала. Могла и по старой памяти сочувствовать.

Да и в целом, ритуальное убийство с точки зрения подкаста, конечно, красочное получилось, но брать его в работу я не собирался. По крайней мере, пока... Пока не разберёмся с тем, что произошло на стройке новой станции метро.

Уже сам факт, что там откопали какое-то древнее захоронение, был интересен. Но девять трупов рабочих, пять пропавших без вести археологов и один сошедший с ума чиновник, пускающий в бреду слюни на какого-то демона — это перебор. Это могло бы стать самым крупным моим делом. На первом месте, правда, всё равно будет нераскрытое дело моей семьи, из-за которого я и подался в криминалистику.

Вот только я не верил в демонов, призраков или вампиров... И в чувство юмора этого нового следователя тоже не верил.

— Глаза открыты, рот закрыт, руки в карманах, — пробубнил я свою любимую рабочую мантру, чтобы отрешиться от лишних мыслей. Зашёл в тесную кухню.

Маленький столик в углу, два стула, простейшая газовая плита, раковина, небольшой холодильник, микроволновка, минимум посуды. Обеды из трёх блюд здесь явно не готовили, предпочитая варить пельмени, греть полуфабрикаты и запивать всё пивом.

Владельца этой холостяцкой берлоги преступники, похоже, застали во время ужина. На краешке тарелки со слипшимися, заветренными пельменями аккуратно лежала вилка, рядом стояла полная кружка с выдохшимся пивом и двухлитрушка, где уже было на доньшке. Натюрморт «хозяин отошёл буквально на секундочку».

На столе и на дверце холодильника виднелись следы дактилоскопического порошка. Похоже, Макс уже прошёлся по всем поверхностям.

На всякий случай я проверил духовку, а потом холодильник — везде пусто, а в холодильнике даже и грустно. Ножей нашёл целых два. Одним жестоко резали колбасу, а второй мог обидеть разве что картошку. Несколько вилок, ложек и главное оружие этой кухни — половник и шумовка. Интересным можно было назвать только старый орехокол в виде странного существа, похожего на помесь дракона и гаргульи.

Возможно, это и был тот самый «вампир», которым покушали жертву.

А вот, кстати, был как-то в Америке случай, когда женщина натравила на мужа домашнюю белку. Так что и в «убийство белкой» я верю, и цыганам с медведем, живущим на окраине спального района тоже не удивлюсь, как и питбуль-терьеру с кривыми зубами. Всё это можно доказать, главное — найти улики.

Часа через три, когда мы уже всё облазили по несколько раз и загрузились вещдоками на зависть любой грузовой компании, помогающей с переездом, Палыч скомандовал ехать в отдел.

Когда мы уселись в машину, у него зазвонил телефон. Что ему говорили, было непонятно. Трубку к уху он прижимал крепко, а по лицу можно было прочесть сперва разочарование, затем проблеск интереса, а потом у него и вовсе плечи развернулись, будто где-то там внутри открылась дверца второго дыхания. Ясно. По-своему мы все фанатики своего дела...

— Ещё один вызов? — спросил Макс.

— Да, — ответил Палыч, разминая шею и прогоняя зевоту. — Ещё один... — он замялся, подбирая слова, — ещё один орёл.

— Давно?

— Прямо сейчас. — Палыч посмотрел на часы. — Двадцать минут назад, тот же метод, но незаконченный. Там свидетели нашлись, спугнули нападавшего. Правда, жертве это не помогло.

С этими словами Палыч виновато посмотрел на Маргариту.

— Раз надо, значит надо, — вздохнула судмедэксперт. — Поехали скорее, чего время терять.

Глава 2

Ехали молча. Кто-то думал о своём, а кто-то, то есть я, пытался вздремнуть хоть немного. Ночь была в самом разгаре, и, похоже, закончится она нескоро. Сквозь сон я зябко поёжился. Только сейчас понял, как же холодно было в той злосчастной квартире.

Минусовая температура тут была ни при чём, это был тот самый холодок, что любит пробежать по загривку в минуты опасности. Только в этот раз он не пробежал, а поселился в каждом тёмном углу того места, где произошло настолько жуткое преступление. Когда рядом труп, никакого особого тепла и не ждёшь, но сейчас, кажется, проняло всех, не только меня. Макс попросил водителя включить печку, а Маргарита укуталась в плед. А ведь на дворе уже май, пусть промозглый и дождливый, но снега уже давно нет.

Я прижался виском к стеклу, показавшемуся тёплым, и смежил глаза, лениво поглядывая на капли дождя, побежавшие по окну. Толком так и не поспал — подсознание постоянно подсовывало воспоминания о жертве.

По пустой ночной дороге машина ехала быстро. Мы выехали из города, пересекли кольцевую и сейчас мчались в ближайший загородный посёлок, застроенный элитными коттеджами. Всего ничего проехали, а будто бы в другой мир попали.

Высоченные заборы, оборудованные камерами шлагбау-
мами и контрольно-пропускными пунктами. Этого было так
много, будто мы пытаемся попасть не в дачный посёлок, а
в какую-то секретную военную часть. Нас и пропустили не
сразу: три матёрых, неплохо так заряженных чоповца по оче-
реди заглянули в наш служебный автомобиль и всех пере-
считали, а ещё двое прошлись по кругу, что-то выискивая
зеркалами между колёс.

Вроде серьёзно всё. Но кому-то из жителей посёлка это не
помогло.

Мы выкатились на широкую аллею и ехали по ней чуть
ли не столько же, сколько от прошлого места преступления.
При этом миновали всего четыре участка со своими отдель-
ными заборами, воротами и взбудораженной охраной. Везде
горел свет, не хватало только тюремных прожекторов, кото-
рые создавали бы причудливые тени из кустов, подстрижен-
ных в виде фигур животных.

Навстречу проехал кто-то из наших, и я будто бы услышал
тихий перепуганный скулёж.

— Кинологи опять, похоже, свалили, — прокомментиро-
вал Макс с переднего сиденья.

— Что же их отпугивает-то? — спросил Палыч. — Надо
будет повнимательнее сейчас поискать.

— Поищем, — хмуро пообещал Макс и приник к окну.

Все дорожки заняли джипами местного ЧОПа, машинами
скорой помощи. Наших тоже хватало. То ли пытались орга-

низовать оцепление, то ли уже собирались выдвигаться про-
чёсывать посёлок.

— Чтоб я так жил! — присвистнул Макс, разглядывая
громадный дом.

Трёхэтажный особняк с колоннами в стиле дворянского
имения девятнадцатого века производил впечатление. Доро-
го и очень богато, особенно на контрасте с тем местом, где
мы были до этого. Совершенно непонятно, что могло быть
общего у жертв.

Окно на втором этаже оказалось разбито. Рваная штора
висела на остатках выбитой рамы, а неровные осколки по
краям говорили, что выпрыгнувший человек даже не попы-
тался сгруппироваться. Нам же проще, по-любому найдём
ДНК.

Под окнами стояли две машины: чёрный тонированный
«гелик» охраны и ярко-оранжевая «ламборгини», смотреть
на которую без слёз не получалось. И без того плоская, как
тапок, так ещё и расплющили, вдавив крышу и выбив все
окна. Будто на неё не человек со второго этажа спрыгнул, а
пианино уронили, причём с двадцатого этажа.

— Ох, ты ёж ты ж... — пробурчал Макс с такой неизбыв-
ной печалью в голосе, будто это была его машина.

— Что-то не сходится, — сказал я.

— Ага, и больше уже никогда не поедется, — усмехнулся
тот шутник-следователь, который ехал с нами. — Пойдёмте,
нас введут в курс дела.

Мы поднялись по ступенькам, разминувшись с врачами скорой помощи, которые выводили под руки бледную горничную в форме.

Я сперва мимоходом отметил, что над дверью есть камера, но потом остановился и вернулся, чтобы понять, что с ней не так. Внешняя оболочка была без единой царапины, но внутри вместо целого объектива — сплошное крошево. Осколки осыпались и напоминали уснувших мух на дне плафона.

Как это произошло, непонятно, и вообще, голова не хотела думать, а хотела согреться. В спину дул прохладный ночной ветерок, но основной холод источал сам особняк. Леденящий парализующий волю мороз обволакивал и пробирал насквозь.

Я заметил, что рядом в такой же нерешительности остановился Макс, а за спиной донёсся громкий выдох одного из врачей — его, видимо, только-только отпустило.

— Фигня какая-то, — буркнул я, встряхиваясь и выравнивая дыхание.

А потом, чтобы не слышать от коллег очередное «ты чего завис?», переступил порог. Теплее не стало, но тут как с ледяной водой — раз уже нырнул, то нырнул.

В здоровенном холле при желании можно было ещё две «ламбы» припарковать. Пройдя через высокую арку, мы оказались в гостиной, полной людей. Пиджаки-охранники, обслуживающий персонал, куча наших, причём уже и СОБР подтянулся. Одни опрашивали свидетелей, другие по рации

координировали поисковые отряды.

— Они, похоже, здесь штаб организовали, — недовольно проворчал Макс, кивнув на карту, разложенную на длинном обеденном столе. — Нашли, блин, где. Затоптали же небось всё. Эх...

Я приветственно махнул рукой, не обращаясь ни к кому конкретно. Кого-то узнал, а кого-то не получилось из-за масок. Больше всего меня заинтересовали охранники: пятеро взрослых, спортивных бойцов сами могли быть ветеранами СОБРа, хотя сейчас напоминали побитых и наказанных школьников. Двоих из них словно машина сбила. Трое просто отводили глаза.

Рядом на столике разложили весь их арсенал, который сейчас попадал под опись. Я насчитал четыре пистолета (вроде травматы) и столько же «тазеров», причём не китайских, а родных. И все были разряжены. Всё разрешённое и как бы не смертельное, но скакать через окна после такого всё равно не будешь. Если только не обколот какими-то стимуляторами.

— Так, — обратился ко мне мужчина в штатском, — вам на второй этаж. Мы постарались там ничего не трогать.

Вот и все инструкции. Нас, в принципе, толком вводить в курс дела не стали, но из обрывков разговоров мне удалось собрать почти полную картину.

— Я тебе повторяю, — втолковывал охранник кому-то из оперов, — тишина была абсолютная. Мы поднялись просто,

потому что обход по графику был. Старший наш заглянул к шефу, тот часто по ночам засиживается... Ну, то есть, засиживался, — вздохнул охранник. — Короче, спросить решили, может, чего надо? А там фарш такой. Шеф на полу словно бычок в мясницкой лавке, уже чуть ли не пополам разделанный. Кровищи — море. А над ним бомж какой-то нависает. На голове маска типа демонической с клыками, перекошенной рожей и без глаз. Там только щёлки какие-то чёрные. На руках перчатки, как у этого... Млять, забыл...

— У Фредди Крюгера, — подсказал ему напарник. — Только короче, там не лезвия, а будто когти.

— Во, точняк! — обрадовался первый охранник. — Короче, псих какой-то. Он над шефом навис и что-то в руках держал. Ковырял и шептал что-то. Вроде кость, но хер знает, мы-то тоже психанули. Старший к нему первым рванул и хоба, отлетел, как балерина, тройным тулупом. Метра на три его откинуло. Шкаф, вазы — всё в щепки. Старший уже не встал, ему пол лица стесало, а я даже не понял, чем его ударило.

Мы, честно скажу, обалдели от такого и уже без разбора палить начали. А у нас только пукалки эти резиновые. Вот сколько раз старший шефу говорил, чтобы нам нормальное разрешение сделал... — Охранник со вздохом махнул рукой. — Ладно, чего уж щас об этом... Короче, травмы он даже не заметил.

— Может, не попали?

— Ты серьёзно сейчас? — обиделся охранник. — Попали. Я сам ему в лоб зарядил, но он заржал только. По-любому он на стимуляторах был. Какие-нибудь армейские разработки.

— Это мы проверим. Дальше что было?

— Дальше наши стрельбу слышали, подлетели и шоке-рами долбить начали, — воодушевился охранник. — Мы тоже подключились, обвешали психа со всех сторон и давай жарить. На нём тряпки какие-то бомжатские были, аж задымилось всё.

— Завалили?

— Хер там... — вздохнул охранник. — Это он нас зава-лил. Трое в реанимации сейчас, а этот рванул, раскидал всех и в окно!

Я бы ещё послушал, но меня подтолкнул Макс, типа мы с ним уже слишком долго возимся с комбинезонами на лестнице. Но главное мы слышали, так что не удивились, когда заглянули в кабинет. Я первым вошёл внутрь и, задержав дыхание, включил свой режим сканирования.

Картина кровью, дубль два. Единственное отличие: и трупов здесь было два.

В углу лежал мёртвый охранник. Сейчас лежал ровно, видимо, медики ещё надеялись его спасти. Хотя... Я посмотрел на разбитый шкаф, в который он влетел, перевел взгляд на смятые кости черепа и решил, что врачи, скорее всего, просто констатировали смерть. Битой вполне можно так ударить, если наотмашь. Но рукой, пусть даже в какой-то ког-

тистой перчатке — как-то сомнительно. Охранник весил не меньше девяноста килограмм. В единственном уцелевшем глазе застыло удивление.

На ковре, впитавшем в себя почти всю кровь, лежала жертва в той же странной позе, уткнувшись лбом в пол. То же без одного ребра. Толстый халат был распорот вместе со спиной, отчего усиливалось сходство с крыльями.

К телу вели запутанные нити электрошоковых зарядов. Блестели дротики. Я выглянул в окно и заметил обрывки ткани, зацепившиеся за острые края. Прекрасно. Значит, у нас будет образец крови преступника.

Я мигнул, сфокусировавшись на предметах вокруг тел. Гильзы от травматов, резиновые пули, картриджи от тазеров... Недалеко от окна что-то белело. Кажется, то самое недостающее ребро.

Ладно. Может, обстановка наведёт на мысль? Массивный дубовый стол с монитором, клавиатурой и пафосным набором мраморно-бронзовых подставок под канцелярию. Несколько папок, распечатки каких-то графиков и несколько конвертов. Ага, а рядом с ними лежал нож. Пусть всего лишь для вскрытия почты, но сам факт, что жертва даже не попыталась им воспользоваться, показался мне странным.

Другого оружия в комнате я не заметил.

«Босса» явно выдернули из-за стола. Подойти незамеченным и схватить человека в принципе невозможно — тот инстинктивно схватился бы за нож, лежащий под рукой. Ну или

позвал бы охрану — времени хватало. Но ни того, ни другого жертва не сделала.

На стене висел портрет, с которого хозяин особняка насмешливо смотрел на собственное тело. За его спиной стояла красивая молодая женщина. Повезло ей, внизу говорили, что она в отъезде. Портрет семейный, и детей, похоже, нет. Вдвойне, значит, повезло с наследством...

Сомнительно, что жена заказала убийство мужа таким экстравагантным способом. Лучше бы подошла передозировка каким-нибудь лекарством, что могло сойти за несчастный случай.

На другой стене, между двух шкафов с книгами в кожаных обложках с золотым тиснением, я увидел ещё одну картину. Генеалогическое древо.

Не простенькая схемка, как у первой жертвы, а полотно полтора на полтора метра. Поверх векового дуба миниатюрные портреты. Не у всех, конечно, но у многих поколений. Разглядеть герб и название рода у меня не было никакой возможности: нападавший от души прошёлся по ним когтями. Не махнул косым ударом, а впился всей пятернёй так, будто хотел вырвать с корнем. Пробил полотно и оставил лунки в деревянной обшивке стены.

В самом низу древа таким сучком без продолжения значился наш «клиент». Свою молодую жену он сюда не добавил. Возможно, не заслужила, раз нет наследника.

Мимо меня со вздохом принятия неизбежной долгой ра-

боты прошла Маргарита, направившись сразу к телу босса. Над моим ухом тут же щёлкнула вспышка фотоаппарата. Жужжание перезарядки, как обычно, вернуло меня в действительность.

Работаем...

Я прошёлся по кабинету, расставляя номерные таблички. дождался, пока Макс всё сфотографирует, и стал собирать материалы. Первыми, чтобы освободить пространство для судмедэксперта, на дальнейшее исследование отправились дротики шокера. На сантиметр в кожу они точно вошли и прекрасно сохранили образцы крови преступника. Только мне не понравился её вид — густая, чёрнющая и почему-то с зелёным отливом. Придётся дожидаться экспертизы, чтобы понять. Заодно узнаем, каким боевым стимулятором он себя накачал.

Рядом лежало ребро, которое преступник выронил, получив заряд в пару-тройку сотен тысяч вольт — это если суммарно. Но перед этим он успел очистить его и выцарапать какие-то каракули, похожие на руны. Надо будет проверить, но, кажется, это не футарк, то есть не скандинавы или германцы, а что-то языческое, древнеславянское. Я как-то интересовался для сюжета одного из подкастов, но поверхностно.

Я аккуратно подцепил улику, собираясь упаковать в пакет, и чуть не выронил. Показалось, что она, во-первых, тёплая, а во-вторых, руны подсветились, будто по ним пробежали микроскопические искорки. Меня повело, но стоило морг-

нуть, как тут же отпустило.

— Не-е, — прошептал я. — Бред какой-то...

Наверное, блик от вспышки как-то отразился.

— Думаешь, этот псих настолько псих, что хотел себе женщину из ребра создать? — над плечом снова появился этот шутник-следователь. Впрочем, его голос звучал вполне серьёзно и даже напряжённо.

Я ничего не ответил, лишь пожал плечами.

— А, сорян, забыл. Вы же только фиксируете, — фыркнул следователь и пошёл к Маргарите, но на полдороги передумал. Покрутился немного и вышел из комнаты.

Упаковав ребро, я подошёл к окну. На улице Макс осматривал раздавленную машину. Над посёлком собирались тучи. Понятно теперь, почему напарник так торопится. Я попытался найти луну — почему-то вдруг подумалось, что для полноты картины не хватает полнолуния.

Вопросов было слишком много. Как преступник проник в кабинет? Следов взлома нет, охрана на время пыток будто оглохла. Почему никто не слышал крика жертвы? Почему вырубались все камеры? Не только в доме, а вообще по всему посёлку. Как связан богатый чиновник и бедолага из спального района? Кроме того, что оба знали свою родословную, других совпадений мы пока не нашли. Почему собаки так себя вели? Палыч уже всё облазил и обнюхал, а ничего так и не обнаружил.

— Короче, мистика какая-то.

Я улыбнулся собственным мыслям: «Не-е, если у чего-то нет объяснения, значит я просто его ещё не нашёл».

Пока вынимал и паковал осколки, народ начал разъезжаться, так и не найдя никого по горячим следам. Прочесали весь посёлок и округу, ругая кинологов на чём свет стоит. Пока ждали вертолёт, перекрыли все возможные выезды и проходы, дороги и тропинки, но было видно, что пыл постепенно угасает и если бы не статус жертвы, все давно разошлись бы по домам.

Мы пока держались, хотя спать хотелось жутко. И есть. Но Палыч никак не успокаивался, всё время твердил, что мы что-то упускаем. Я был полностью согласен с ним, но даже у меня закончились варианты, что именно.

Наконец, так ничего больше не обнаружив, шеф дал команду выдвигаться. Грузить в этот раз было практически нечего. У меня в чемоданчике лежали дротики и осколки — на анализ ДНК, да ещё ребро с символами, для изучения которых, скорее всего, с утра привлекут какого-нибудь историка.

— Э-эх, — зевнул я и попытался поудобнее устроиться на заднем сиденье, облокотившись на рабочий чемодан.

Рядом уже безмятежно посапывала Маргарита. Палыч ёрзал — видимо, никак не мог успокоиться. Макс на переднем сиденье, позёвывая, в красках рассказывал нашему водителю Семёну про разбитую «ламбу». Дождь усилился и теперь размашисто барабанил по крыше, скрипели дворники и мер-

но порывивал двигатель. Под всё это я и задремал, ещё до выезда из посёлка.

Проснулся, потому что замёрз.

Сразу не понял, по-настоящему замёрз или вновь откуда-то потянуло тем странным могильным холодом, проникающим сразу за шиворот и прямым в мозг. Встрепенулся и проморгался, пытаюсь понять, где мы.

Тёмная дорога, редкие фонари. Посёлок мы уже покинули, но на шоссе ещё не выбрались. За окном лило как из ведра, но я всё-таки разглядел худой чёрный силуэт в тени тёмных деревьев. Сутулая спина, дьявольская маска с ненормальным оскалом и слишком длинные пальцы, указывающие будто бы прямо на меня.

Я моргнул, и видение рассеялось. А в том месте, где мне померещился псих, осталась только трансформаторная будка.

— Фух, показалось, — прошептал я.

А в следующий момент салон «газели» залило ярким светом, Семён заорал матом, а дальше... Удар! Скрежет сминаемого металла, звон вылетевших окон, и мир вокруг завертелся с бешеной скоростью.

Глава 3

Машину крутануло. Потом был удар. Страшный, жуткий. Я почему-то отчётливо видел его, наблюдая за нами будто бы со стороны. Хотел пошевелиться, рвануть куда-то, как-то разрулить ситуацию, но нет. Резко стало больно, жутко, а за ярким светом встречных фар пришла темнота. Потом снова вспыхнул свет, и тут же сменился темнотой. И больно уже стало везде.

Кое-как продрав глаза, я попытался разобраться с нахлынувшей волной разрозненной информации. Больно... Конечно я вроде бы чувствовал, сведённые судорогой пальцы до сих пор сжимали рабочий кейс, голова гудела. Но почему всё вверх ногами? А ещё холодно. В разбитые окна задувал ночной ветер, а стёкла блестели кусочками льда на мокром асфальте.

Мокро и липко. Дождь заносило сразу в салон, а липкая кровь из рассечённой головы заливала глаза. В ушах гудело, и будто через мокрую вату пробивался чей-то истошный крик. Кажется, Палыч пытался выползти наружу и орал.

В момент просветления я смог приблизительно оценить ситуацию. Наша «газель» лежала на крыше, мордой в кювете, а остальное — поперёк дороги. Сзади, насадившись капотом на фонарный столб, разгоралась машина «СК», которая ехала за нами. Водителя я не видел, похоже, не жилец.

Окровавленная голова шутника-следователя высунулась из сплюсненной двери.

Вроде живой, раз выползти пытается.

Больше на дороге никого не было. Морщась от боли в глазах и хруста в шее, я вперился взглядом в обочину. Может, встречную машину куда-то унесло? В кого-то же мы врезались? Но нет, кусты вокруг не пострадали. Только фонарь весь покорёжен, потому что принял на себя легковушку.

Я неудачно пошевелился, зацепился за бок кресла, и уронил на себя барахло из ящиков с вещдоками. Показалось, что тону в этом всём и чуть не задохнулся, не понимая, где верх, а где низ. Начал барахтаться, но вынырнул, поймав чью-то руку и... заглянул в стеклянные глаза Маргариты. Отпрянул, снова упал на крышу. Судорожно вздохнул, закрипел зубами от невыносимой боли в рёбрах, и обессиленно затих, пытаясь перевести дыхание.

Надо проверить, как там наши... Что с Максом и Семёном? Надо вытащить, вызвать скорую... Надо что-то делать... Надо...

Я свалил с себя коробку с рассыпавшимися вещдоками. Клятая коробка, которую я сам же и собрал на кухне первой жертвы. Зарывав от злости на себя, я вернулся к Маргарите. Засыпанная осколками, она лежала ко мне спиной, но шея была развёрнута так, чтобы глаза смотрели прямо на меня.

Потыкался по сторонам в поисках выхода. Попытался выбить остатки стекла из бокового окна, но вместо этого чуть

не перерезал себе вены. Навалился на заднюю дверь, издевательски уцелевшую. Открыть её не смог — пальцы не слушались. Снова осел, извернулся и ногой выбил остатки стекла.

Разглядел Палыча, который шёл к лесу и тянул руку, будто обращался к кому-то. И этот кто-то появился — в тени деревьев на обочине нарисовался силуэт. Или два... А возможно, и три.

Зрение отказывалось фокусироваться, и я не до конца понимал, что именно вижу. Два светлых, будто голых, худых тела производили впечатление не то кукол, не то манекенов. Они передвигались неровной походкой, их неестественно согнутые руки словно были переломаны.

Промелькнула мысль, что это могут быть люди из исчезнувшей встречной машины. Но даже намёка не появилось, куда она отлетела, а странные существа, чем ближе они становились, тем менее походили на людей. Перекошенные, сутулые, будто недоразвитые или недоделанные. В голове промелькнул образ глиняных человечков, слеплённых по образу и подобию человека. Големы? Гомункулы? Или у меня просто галлюцинации из-за сотрясения?

Грубые углы, нарушенные пропорции тела, перекошенные лица. Ближайший выглядел почти законченным. Не хватало только некоторых деталей: век на глазах, губ и носа. А у второго кожа была настолько бледной, что казалась полупрозрачной.

А за их спинами, за кругами света, отбрасываемым фона-

рями, стоял ещё один силуэт. Чёртов псих в маске демона.

— Да что за хрень тут творится? — прошептал я.

Ещё сильнее заболела голова, из-за чего зрение снова затуманилось, а когда вернулось, то я увидел, как Палыч поспешно ковыляет обратно. Его рука была поднята в защитном жесте, но это его не спасло. Кожаная безгубая «кукла» одним прыжком пролетела метров двадцать и оказалась прямо перед Палычем. Взмахнула угловатой рукой и...

Жесть, у меня всё-таки галлюцинации...

Отрубленная голова Палыча отлетела в сторону. Из вскрытой шеи брызнула кровь, но ноги ещё несколько секунд держали обезглавленное тело. Только потом оно мешком грохнулось на землю.

В этот момент за моей спиной раздались звонкие выстрелы. Я обернулся и сквозь треснувшее окно разглядел вторую «куклу». Существо стояло перед машиной следователя, а сам он, вывалившись на асфальт, дрожащей рукой палил из табельного. Восемь выстрелов слились в один, «кукла» несколько раз дёрнулась от попаданий, но не упала, а следующий момент нависла над шутником и схватила его за горло.

Хрень! Хрень! Хрень! Это уже не травмат! Пусть «макаров» звезд с неба не хватает, но в упор! Да ещё и в голое тело. Так просто не бывает! Какими бы стимуляторами не обколись эти уроды, я точно видел, что все пули попали в цель, а минимум две прилетели в голову.

Я судорожно потянулся за своим табельным. Я тоже звёзд

с неба не хватал, особенно в тире, но нормативы у меня все сданы с отличием. Вот только поможет ли мне это, учитывая то, что я видел?

Даже достать оружие я не успел. Что-то грохнулось сверху на машину, стойки жалобно скрипнули, прогибаясь сильнее, и меня снова присыпало осколками. Что-то поскреблось, машину качнуло, а потом в боковом окне появилась окровавленная морда. Существо повисло вниз головой, с интересом меня разглядывая. Век действительно не было, как и носа, а насчёт губ я уже был не уверен — вся морда оказалась перепачкана в крови.

«Кукла» сморщилась, вероятно, попытавшись изобразить улыбку, и закинула мне в окно что-то круглое и волосатое.

Голова Палыча отскочила от меня и выкатилась обратно под дождь.

— Да ну на хер... — выдохнул я, наконец, высвобождая пистолет из кобуры.

Вскинул руку и, прежде чем существо среагировало, выстрелил в упор, прямо в морду. Существо скрылось, а «Газель» снова надсадно заскрипела. Послышался сдавленный смешок, и морда появилась снова, но уже в соседнем окне.

Пуля раздробила твари скулу и порвала щеку, но «куклу» это как будто вообще не смутило. Только улыбка из-за разорванного рта стала совсем жуткой и демонической. Я моргнул и понял, что рана начала затягиваться. Существо протянуло руку внутрь салона. Такую же бледную, с выпирающи-

ми сухожилиями и длинными чёрными когтями.

Толком не целясь, я выстрелил ещё дважды и, суча ногами, попытался забиться поглубже в салон. Схватил кейс и прикрылся им, будто щитом, понимая, что это так же бесполезно, как и сопротивляться. Или бежать. Обернувшись, я заметил две бледных ноги с другой стороны «газели». Существа не торопились. Первый шарил лапой по салону, а второй, чуть отступив, явил мне свою полупрозрачную морду.

Я поднял пистолет и, кажется, даже пробурчал что-то в духе «буду стрелять», но существо так и продолжило тарашиться на меня. Либо ему было плевать на свинец, либо он просто не понимал, что у меня в руках.

В глубине души я надеялся, что мне всё это мерещится. Что, наверное, я лежу где-нибудь в машине скорой помощи или даже в операционной. Может, меня как раз отправляют в искусственную кому, и всё это плод моего воспалённого воображения...

Открыв глаза, я осознал, что целюсь пистолетом в пустоту. Существа исчезли, но всё остальное: перевёрнутая «газель», мёртвая Маргарита, безголовый Палыч на асфальте — всё это осталось на своих местах. Только дождь ослаб, а ещё на дороге появился какой-то гул, быстро превращающийся в рёв мощного двигателя. Кто-то едет.

Рёв сменился визгом тормозов, и на дороге, до которой мы так и не доехали, резко затормозил красный автомобиль. Даже сквозь туман в голове я легко узнал мощный «Додж

Челленджер» и сразу почувствовал разочарование. Лучше бы отряд СОБРа на броне выслали, а то это не подмога — наши на таких машинах не рассекают.

Хлопнули двери, а потом раздался крик, будто усиленный громкоговорителем. Слова вроде бы знакомые, но звучали они совершенно непонятно:

— Вы пересекли предел! — разнёсся над дорогой грубый мужской голос. — Гасите силу, и мы сохраним вам жизнь!

Я сдвинулся, чтобы посмотреть, кто это там орёт. И сразу дёрнулся обратно. Существа никуда не исчезли. Один стоял перед «газелью», а второй, как птица, сидел на кузове. Выползи я через окно, тут же попал бы в его тень.

Из «доджа» тоже выбрались двое. Мужчина и женщина в штатском. Мужчина в белых кроссовках, камуфляжных джоггерах с большими карманами и в кожаной куртке. Женщина в джинсах и тоже в кожанке, но стиль уже больше байкерский, хотя на ногах то ли «гриндерсы», то ли армейские берцы. Никакого единого стиля или формы, но оба выглядели стильно. Короткий ёжик, боксёрский нос и щетина у одного, и тугой чёрный хвост до плеч у другой. Кстати, черты лица у женщины были красивые, правильные.

В руках мужчина держал укороченную двустволку, правда, странную: колодку и цевье будто раздуло. Женщина на моих глазах вытащила из-за спины длинный клинок. Слишком тонкий, чтобы называться мечом, но и достаточно толстый, чтобы не быть шпагой.

Девушка несколько раз взмахнула клинком, рассекая перед собой редкие капли дождя, и пошла к нам. Мужчина не отставал. Они переглянулись, молча кивнули друг другу и сорвались на бег.

В их действиях было столько уверенности, что даже мне немного передалось. Я перебрался к другому окну, пытаюсь выследить третьего нападавшего. Псих в маске пока на дороге не вышел, предпочитая командовать своими «куклами» издалека. Может, и правда какие-то синтетические киборги?

Я всё ещё пытался придумать любое рациональное объяснение происходящему. Вот только непонятные бойцы не помогали мне разобраться. Женщина взвилась в воздух, как и «кукла» до этого, и одним махом сократила расстояние вдвое, сразу же прыгнув ещё раз. Мужчина просто побежал, но с такой скоростью, что мелкие капли дождя, ещё висевшие в воздухе, сформировали за его спиной сверкающий шлейф.

Женщина, как коршун, набросилась на полупрозрачное существо. Её тонкий клинок со свистом выдал что-то в стиле Зорро, отсек несколько когтей. «Кукла» попятилась к обочине. А мужчина не сбавляя скорости, ушёл от удара и, оказавшись за спиной у существа, выстрелил дуплетом. Пробил в тонкой коже восьмеркообразную дыру, сквозь которую я смог разглядеть фонарь и верхушки деревьев.

Существо пронзительно завопило чайкой, но всё равно не упало, а развернулось и ударило наотмашь, но в этот момент

началось, пожалуй, самое странное. Края раны почернели, обуглились, стали тлеть, расширяться и пожирать пока ещё целую плоть. Тварь прогорела меньше чем за минуту, оставив после себя гору чёрного пепла.

Раздался ещё один вопль. Я вздрогнул, только сейчас осознав, что всё это время не дышал и не моргал. Перед носом пролетело второе существо с отрубленными кистями, с проколами в груди, которые начали разгораться алыми угольками.

Перед моим окном раздался щелчок двустволки и на асфальт упали две пустые гильзы. Я вжался в коробки, чувствуя спиной холодное тело Маргариты, и прикрылся кейсом. Мужчина был рядом — я видел его почти по пояс. Он вскрыл странный, чуть ли не свинцовый кейс, закреплённый на ремне, и достал оттуда два новых патрона. Вроде бы стандартный двенадцатый калибр, но гильза из черного металла выглядела необычно из-за светящихся рун.

Рука мужчины не донесла патроны до стволов, а потом пальцы и вовсе разжались. Раздался хрип, на дорогу потекла кровь, и мужчина упал на колени. Над ним склонилась тень, причём я мог поклясться, что ещё секунду назад рядом никого не было. А сейчас тень начала сгущаться, постепенно обретая форму того худого человека, который всё время наблюдал издалека.

Псих ударил свою жертву в затылок с такой силой, что когти выскочили из глазниц. Потом упёр колено в спину и толк-

нул мёртвое тело на асфальт. Что-то вырвал и бурой кляксой сбросил на землю.

Женщина закричала, а потом крик перешёл в надрывный вой. В её голосе было столько боли, обиды и ярости, что у меня в очередной раз мучительно заболела голова. За криком последовали выстрелы, а затем совсем рядом взорвалась светомушкетерская граната.

Я уже ничего не соображал. По старой привычке цеплять важные улики с места преступления, хапнул упавшие патроны и, не разбирая ничего на своём пути, вывалился из «газели», ободрался об асфальт и укатился в кювет. Ослеплённый и оглушённый, каким-то чудом уцелел. Наверное, ненадолго потерял сознание.

Ледяная вода освежила меня, и я очнулся, чуть не захлебнувшись в луже. Здравый смысл проснулся даже раньше сознания, и я постарался не издать ни звука. Сделал несколько глубоких вдохов, просто чтобы убедиться, что по-прежнему жив. Меня мутило от головокружения, будто к сотрясению мозга добавилось отравление тяжёлыми металлами.

Прислушался к тому, что происходит на дороге.

Сначала ничего, но потом я различил тихие женские всхлипывания. Девушка что-то шептала, но я расслышал только последнюю фразу: «Я за тебя отомщу...»

Ещё несколько раз всхлипнув, девушка успокоилась и вышла из-за «газели» на свет. В руках она держала телефон, но прежде чем позвонить, сделала ещё несколько вдохов, окон-

чательно успокаиваясь.

— Это Марьяна. Захар погиб, и я упустила Демида... Да, я уверена, что это он.

Она замолчала, слушая ответ.

— Он успел создать двух фамильяров... Да, оба мертвы. Я не знаю, как он это сделал. И я не знаю, на что он способен. Это ты мне скажи, чему он научился за девятьсот лет заточения...

Девушка говорила на повышенных тонах, и, видимо, на том конце провода её осадили.

— Прости, я понимаю, что ты не виноват в смерти Захара... Есть не идти в погоню, а ждать группу, — спокойно произнесла она, но на её лице читались совсем другие эмоции. — И замните с полицией, чтобы не лезли. Демид чем-то ударил по машинам, можно сослаться на аварию... Есть ждать группу уборщиков... Подожди, кажется, кто-то ещё жив...

Я уже собрался было высунуться из своей ямы, но сначала услышал слабый стон Макса, а потом увидел, что девушка наклонилась, ненадолго скрывшись из виду, а потом вместо предложения помощи раздался выстрел, оборвавший стон Макса.

Мне резко стало жарко, а в голове осталась только одна мысль: не поможет никто — ни эти, ни наши. И пока девушка проверяла машину следаков, я максимально тихо выбрался из кювета и нырнул в тёмные кусты.

Глава 4

Преодолев с десяток метров, я затих, спрятавшись за толстым деревом. Мельком высунулся, чтобы убедиться, что за мной не гонятся. Что происходило на дороге, уже было не видно, но в кусты за мной никто, к счастью, не ломанулся. Только после этого я осел в мешанину из грязи и размокших прошлогодних листьев. Наконец-то выдохнул, радуясь, что живой. И тут же грустно вздохнул, поняв, что пролюбил табельный.

— Да твою же... — в сердцах прошептал я, прикинув, сколько объяснительных придётся писать, а потом усмехнулся.

Это уже нервное.

Какие, к чёрту, объяснительные я собрался писать? Как я буду объяснять то, что сам до сих пор не понимаю? Маргарита, Палыч, шутник-следак, Семён, Макс. Особенно Макс... Что это вообще было? Сначала появился демон и взмахом когтистой лапы перевернул две машины, потом прибежали голые куклы, одна оторвала голову начальнику, вторая всосала в себя полный магазин «макарова» и пошла мне глазки строить? Так я в объяснительной напишу? А потом какие-то супергерои прикатили? Или кто они там? Ведьмаки? Охотники на демонов? Мужик с обрезом и баба со шпагой? Думгай, блин, и Баффи-истребительница вампиров? Пусть и до-

вольно симпатичная истребительница...

— Так. Стоп... — одёрнул я сам себя, чтобы нервное потрясение не переросло в истерический смех.

В моей текущей ситуации не столь важно, что произошло. Важнее понять, что делать дальше? Стараясь не шуршать, я пошарил по карманам в поисках смартфона. Обрадовался, когда нашёл его, и чуть не лопнул от отчаянья, когда порезал палец о разбитый экран. Остался без связи, плохо.

Я потрогал рассечённый лоб. Царапина, похоже, глубокая, но не длинная. Если не трогать, то не особо болит, а вот шишка отозвалась так, будто я нажал кнопку «Адская боль без предупреждения». Это меня капец как взбодрило! Позже, выровняв дыхание, я осторожно прощупал рёбра и подвигал ногой. Нашупал на груди ещё одну болевую кнопку, но уже без таблички «адская». Либо трещина, либо вообще повезло и это простой ушиб.

От мысли про везение я опять нервно усмехнулся и заставил себя переключиться с жалости к себе на что-то более продуктивное. Анализ фактов, например.

С одной стороны, демон-псих всё ещё был на свободе, а к странной девушке скоро приедет подмога, и свидетели им, как оказалось, не нужны. Сидеть и чего-то ждать смысла точно нет.

Пистолет я потерял, а вот злосчастный рабочий чемодан с уликами из особняка всё ещё таскал с собой в надежде, что он меня защитит. Но это вряд ли, а вот два волшебных па-

трона, эффективность которых я видел собственными глазами, — вполне могли. Только нужно оружие. Возвращаться на дорогу желания не было, зато двенадцатый калибр имелся у меня дома. Пусть простая турецкая двустволка, но всяко лучше, чем потерянный «макаров».

С другой стороны, где-то вокруг и рядом должно быть много наших, дороги-то перекрыты. Если даже у этих «суперов» и есть выходы на полицию, то не сразу же и не на всех? А значит, для начала надо всё-таки попытаться выйти к своим. А там уже решать: на работу, домой или сразу в психушку...

Я собрался с духом и ещё раз выглянул из-за дерева. Почему-то казалось, что стоит только высунуться, непременно на кого-то наткнусь. И неважно на кого: на психа или девушку. Хотя для отчёта коллег-криминалистов это важно, конечно: будут ли они описывать очередного «орла» или просто пулевое...

Показалось, что увидел скрюченную лапу, качнувшуюся в мою сторону. Вроде просто ветка, но я всё равно подорвался и побрёл куда подальше от места аварии. Сначала не спеша, но постепенно приноровился, привык к боли, и ускорился. Ещё бы в ботинках вода не чавкала, то было бы вообще отлично.

Я понятия не имел, где нахожусь. По ощущениям, в глухой, мокрой, тёмной и дремучей тайге, но по факту через каких-нибудь сто метров я вполне мог выйти к забору оче-

редного элитного посёлка. До кольцевой тут, как ни крути, не больше пяти километров.

Эта мысль подбодрила меня, а метров через триста я увидел пробивающийся сквозь листву рассеянный свет. Потом фонари и дорогу. Но выходить на неё не торопился, потому что слышал шум двигателя и обрывки голосов. Протиснулся через ветви орешника и даже умудрился почти не промокнуть. Словил всего несколько капель за шиворот и застыл, разглядывая полицейский уазик, стоявший у обочины.

— Фух, — вырвалось у меня.

Пока не понятно, насколько они «наши», но хотя бы не демоны и не борцы с ними. В машине были люди. Целые, живые и, в отличие от меня, сухие и тёплые. Очень захотелось к ним, но я заставил себя сперва понаблюдать. Осмотрел дорогу, остановку и закрытый цветочный магазин рядом с ней.

Ничего подозрительного не заметил и решил больше не ждать. А то я скорее отрублюсь от усталости, чем над уазиком появится табличка: «Мы хорошие. Доверься нам...» Вырвался из кустов, получив щедрую порцию освежающего душа и, споткнувшись, скатился в кювет. Ещё больше перепачкался и, понимая, что сам сейчас выгляжу как какой-то демон, поднял руку. Слышал разговоры, вроде даже различил шипение рации. Машина тронулась и поехала.

Я помахал рукой и устало ткнулся носом в землю.

А машина всё ехала и ехала, но, судя по звукам, не ко мне,

а от меня.

— Да чтоб вас... — прорычал я, заставив себя карабкаться на дорогу.

Увидел только красные огни, которые пропали за поворотом. Вот такое вот интересное оцепление получается. Похоже, замять решили не только аварию, но и поиски психа. Интересно, на каком уровне всё изменилось?

Я спустился обратно в кювет, чтобы забрать кейс, и понял, что сил таскать его с собой у меня уже нет. Но и бросить не смог — всё-таки там улики. Ребро жертвы, дротики и осколки стекла с ДНК психа. Рассовал всё по карманам и налегке доковылял до остановки. Уселся на лавку и откинулся к стенке.

— Пофиг уже...

Разом навалилась отложенная адреналином усталость, и всё, что до этого болело, разболелось с удвоенной силой. Уснуть не смог, но погрузился в какое-то мутное, вязкое, состояние, будто с похмелья.

В таком состоянии меня и нашли. То ли запоздалый, то ли слишком ранний мусоровоз остановился возле остановки. Улыбчивый пожилой водитель забрал мусор, а заодно и меня. Мы о чём-то говорили, но я толком не понимал ничего. Он явно решил, что я пьяный после драки. Сам эту версию придумал, сам в неё и поверил. Видать, она легко вписывалась в его картину мира.

Он довёз меня до города и передал на руки хмурому так-

систу. Помню только, как назвал домашний адрес — там и очнулся. На лавочке возле подъезда. Состояние было — хреновей некуда, но часа полтора в тёплых и сухих машинах я всё-таки подремал. На улице ни единого прохожего, на небе — первые лучи приближающегося рассвета.

Когда я запер на все замки и цепочку тяжёлую стальную дверь своей квартиры, то более или менее пришёл в себя. Первым делом бросился к оружейному сейфу.

Я не считал себя охотником, фанатом огнестрела или человеком, ждущим зомби-апокалипсис. Вот Макс был именно таким — травмат, гладкоствол, нарезное и не в единственном экземпляре. При этом он свято верил, что в случае конца света его арсенал вряд ли поможет выжить, но точно поможет добраться до нормального оружия. Говорил, что плохо спит, если дома нет хотя бы тысячи патронов.

Я же просто насмотрелся на работе, на что способны плохие люди. В зомби не верил (по крайней мере раньше не верил), но оружие дома создавало чувство защищённости. И сейчас, стоило взять его в руки, дыхание выровнялось и я успокоился. Произошедшие события перестали казаться чем-то ужасным. Станным — да, но со странным можно справиться.

Я вздохнул, вспомнив Макса. До моего подкаста мы отлично ладили: ездили на полигон стрелять по тарелочкам почти каждые выходные. Он-то мне и посоветовал взять BDR 90 от Beydora Arms. Компактный, лёгкий дробовик с план-

ками пикатини и широкими возможностями тюнинга. Макс же с охотой консультировал по всем вопросам, а потом я уже и сам втянулся: заменил цевьё, поставив со слотами M-Lok. Туда же добавилась тактическая рукоятка Mugpul AFG, потом коллиматор, следом тактический фонарь с ЛЦУ. Потом...

— Ладно, может, я и правда фанат огнестрела, — признал я, выгребая патроны из полупустой пачки.

Тысячу никогда не держал, и даже запас не пополнил после последних стрельб. Достал один, повертел в руках и закинул обратно в сейф.

— Не поможет, — пробурчал я и полез в карман за патронами «суперов».

Поймал себя на мысли, что совершенно не хочу их заряжать. Было что-то в этих патронах опасное. Не в том смысле, что может распылить тебя на угольки, а что-то очень чуждое вообще всему человеческому и живому. Мрак и пустота. Как бы красиво ни светилась рунная надпись, всё равно — мрак и пустота.

Но иного пути я не видел. Вынул их, держа на вытянутой руке, будто они могли укусить. Зарядил их поскорее (подошли идеально) и закрыл стволы, вздрогнув от громкого щелчка. Меня будто включило: и мозги заработали быстрее, и по телу пробежала волна облегчения, будто бетонный плащ с плеч скинул.

— Какая-то хрень, — задумчиво подытожил я и бодро на-

правился в кладовку.

Порылся на полке и добыл простенький старый дозиметр для измерения радиации. Сувенир с одного из прошлых дел, когда я вёл съёмку из одной подозрительной заброшки. Там, к слову, всё оказалось чистым. А здесь...

— Да твою же мать! — в сердцах воскликнул я, глядя, как побежали циферки, и слушая, как запищал дозиметр.

Шестьдесят микрорентген в час, семьдесят пять, восемьдесят...

Я нервно сглотнул, когда счётчик остановился на девяносто трёх. Хреново, но не смертельно. Но «капец как хреново» начинается со ста двадцати и при длительном ношении. Всё-таки в моём кармане они пролежали какое-то время.

Направившись в гостиную и по совместительству мой кабинет, я бросил ружьё на диван и быстро скинул куртку. Проверил её, а заодно и всего себя. Результат мне не понравился: всё тоже фонило на уровне шестидесяти микрорентген в час, но так, будто меня равномерно накрыло облаком. Вспомнилась световшумовая граната, потом странное утолщение у дробовика «супера» и ещё более странный подсумок у него на поясе. Там какие-то экраны? Это объяснило бы, почему они так лихо всё это применяют.

Полностью раздевшись, я ушёл в душ. Как мог, точнее, насколько позволяли ушибы рёбер, соскрёб, смыл и выпарил из себя всё, что только можно. Холодный день, мокрую ночь, радиацию, даже воспоминания и те притупились. Я устал,

согрелся, и, кажется, наконец смог расслабиться.

Заварив кофе, закинулся парой таблеток парацетамола — глядишь, и голова утихнет. Прямо в халате и тапочках вернулся в гостиную, держась подальше и от кучи грязной одежды и от заряженного дробовика. Подошёл к рабочему столу, откопал старый телефон и поставил туда симку из разбитого. Включился он моментально, даже заряд какой-то оставался, но толку не было. Ни одного пропущенного, не одной смски. Никто меня не терял и не искал. Переустанавливать соцсети было лень, поэтому я включил компьютер.

Пока загружалась система, я разглядывал свою технику. Моя гордость. Всё для создания подкастов. Винтажный микрофон на пантографе, с которым я чувствовал себя таким олдскульным радиоведущим, электронное табло с подсветкой в виде надписи: ON AIR, аудиоинтерфейс с заявкой на студийное качество, наушники. Мой маленький мирок, в котором я чувствовал себя как рыба в воде. Гостиная тоже была оформлена под студию. Дополнительная звукоизоляция стен, шторы блэкаут — я сам себя не снимал, но в полумраке было проще концентрироваться.

И самое главное — папки с делами. Моя собственная библиотека, которую я создавал годами. Две папки там были особенными и лежали на самом видном месте: тонкая — с моим текущим расследованием произошедшего в подземке — и толстая, почти протёртая папка с тем делом, из-за которого я вообще всем этим занялся. То, ради чего поступил

в академию МВД, ради чего цеплялся на работе за самые сложные дела, ради чего подкаст начал вести — чтобы ещё сильнее себя натаскать, получить больше опыта и знаний.

Папка с делом об убийстве моих родителей. Отца, первоклассного следователя, и мамы, которая была рядом с ним в тот момент. Пятнадцать лет прошло, многое пришлось собирать по крупицам, спасибо Маргарите, что помогала. Но несмотря на объем пухлой папки, продвинулся я в этом деле недалеко. А вот теперь, возможно, придётся пересмотреть приоритеты и взять в работу третье дело.

Стоило вспомнить Маргариту, опять стало грустно. А ещё холодно. Так же, как было на квартире, а потом и в особняке. Я почувствовал, что волосы на затылке сами собой встали дыбом, и, несмотря на пронизывающий холод, вспотела спина. Сильнее забилося сердце и стало трудно дышать. Просто невозможно вдохнуть, будто лёгкие целиком покрылись льдом.

Замки не щёлкали, на двери цепочка. Окна, может, и открыты в режиме проветривания, но этаж-то седьмой! Это всё факты.

Но ещё был факт, что в комнате я больше не один.

И эти факты у меня уже как-то не бились.

Я услышал тихое дыхание. Хриплое и жадное, пахнущее тухлятиной и плесенью, как в той самой заброске. Оборачиваться было страшно, конечно, но природное любопытство взяло верх. Я как был в халате и с чашкой недопитого кофе

в руках, так и развернулся, уставившись прямо в маску того самого психа.

Вот только с такого близкого расстояния не верилось, что это маска. И вообще не верилось, что это человек. Он оказался ниже, чем я думал, и ещё худощавее. Из-за ногтей и сутулости его руки показались мне непропорционально длинными. Помимо холода от него веяло чем-то болезненным, хотя, если я правильно расслышал Марьяну, то этот Демид провёл в какой-то кутузке почти тысячу лет.

Серая кожа в язвах и струпьях, слишком натуральных для грима. Губы порваны, но зубы на удивление ровные. И острые. В голове сразу же промелькнула мысль, что я и без экспертизы нашёл того, кто покусал первую жертву. А за ней пришла вторая, что халат у меня, конечно, не из бархата, но я слишком уж буду со спины походить на вторую жертву.

Псих несколько раз моргнул и повертел головой, будто все предметы в комнате вызывали в нём раздражение, особенно куча моей старой одежды и дробовик на диване. Переведя взгляд на меня, псих задрал голову и дребезжащим хриплым голосом прошептал:

— Отдай... И умрёшь быстро...

Слова давались ему с видимым трудом, но смысл я уловил. Как-то мне не понравился предложенный выбор, а точнее, его отсутствие. Ноги стали ватными, а тапочки будто примёрзли к полу.

Наверное, надо было уточнить, что именно отдать, а по-

том и отдать. Но в голове уже как-то быстро пролетели все стадии: от отрицания до принятия. Следом подключились базовые реакции на стресс: замри, беги, дерись, сдавайся. Первую гипокинетическую реакцию я уже прочувствовал, толку от неё не было, вторая тоже не подошла — только если в окно прыгать, а этаж седьмой. Остаётся «дерись» или «сдавайся»...

Ничего морально-волевого я в себе не почувствовал, но к любопытству подключилось упрямство, и, плеснув остатками кофе в маску, я рванул к дробовику.

Глава 5

Я плеснул кофе, рванул и...

Не успели капли долететь до психа, а у меня опять пол с потолком местами поменялись! В плечо будто молотком ударили, и я кувыркнулся через стол. Опрокинул стойку с микрофоном, разбил монитор и, чуть не запутавшись в проводах, грохнулся с другой стороны.

Не успел даже крикнуть, как какая-то невидимая сила вздёрнула меня и, разбрасывая папки, потащила по столешнице. Я спиной разбил стеклянные двери шкафа, порезался об острые осколки, а потом рухнул на рассыпавшиеся папки.

Судорожно попытался схватить хоть глоток воздуха, но в следующее мгновение невидимая рука снова схватила меня за шкурку и толкнула в угол комнаты. Невидимая подножка заставила меня свалился в кучу грязной одежды.

— Отдай, — просипел псих таким слабым и тихим голосом, словно это ему больно и это он устал летать по всей комнате и ломать мебель своим телом.

Я всё-таки сделал вдох. И захрипел, пытаясь сдержать кашель. Казалось, что если дёрнуться, то все кости в теле рассыпятся в труху, и собрать я их уже никогда не смогу. Парацетамол не помог — голова раскалывалась, иссечённую спину саднило, а рёбра трещали при каждом вдохе.

Чёрт! Ребро! Ему нужно то клятое ребро...

Впившись мутным взглядом в разбросанную одежду, я заметил нужный пакет. Дёрнул его и, не глядя, швырнул в сторону психа. Услышал хрип, похожий на похотливо-радостный стон, и шуршание полиэтилена. Понял, что у меня есть свободное мгновение, и рванул к дивану.

Меня поймала невидимая рука, и мой рывок тут же оборвался. Я даже на руках подняться не смог, лишь заскрипел зубами и ударился грудью об пол. Что-то страшно хрустнуло, но так я хотя бы смог оттолкнуться и перекатиться к столу. А потом, цепляясь за разбитое оборудование для подкаста, как скалолаз за выступы, пополз за дробовиком.

Чем бы он там ни фонил, сейчас для меня это был единственный выход. Мысль, что это путь к спасению, вытеснила даже боль. Тридцать сантиметров... сорок сантиметров, пятнадцать сантиметров, пять... Снова тридцать сантиметров...

В висках стучало, перед глазами стоял вожденный образ двустволки. Только руку протяни и вот-вот схватишь! Но каждый раз, когда я так думал, ружьё издевательски оказывалось слишком далеко. Я понимал, что псих про меня не забыл, получив свою игрушку, и что следующей игрушкой стану я. Понимал очень хорошо.

Ещё один отчаянный гребок по полу. Наконец-то проснулись морально-волевые, и я ухватился за ножку дивана, подтянул себя и, преодолевая боль в груди, кинул к дробовику руку. Подцепил! И в этот момент, обдав холодом затылок, в мою шею вцепилась невидимая рука.

Меня встряхнуло и крутануло в сторону психа. Я с каким-то животным упорством вцепился в ружьё, чуть не переломав себе пальцы, но так и не выпустил его из руки. Выстрелил, не целясь, надеясь, что повезёт.

Почти одновременно с грохотом по ушам ударил дикий нечеловеческий вопль. С таким зверь рвёт себе лапу, чтобы выбраться из капкана. Невидимая рука исчезла, и я мешком свалился на пол, тараща глаза и пытаясь отдышаться. Ещё неплохо бы разогнать чёрную пелену в голове и перед глазами.

В паре метров передо мной возвышалась худая фигура, кривила морду, пытаясь справиться с болью. Псих смотрел то на свою простреленную над локтем руку, то на меня. В его глазах читалось искреннее непонимание.

Локтя, по сути, больше и не было, всё предплечье с кистью болталось на соплях. С двух сторон торчали обуглившиеся кости и рваные куски мяса. При этом ребро из скрюченных пальцев псих так и не выпустил.

Он побледнел, на тощей шее от перенапряжения вздулись вены, отчего алые края раны перестали расширяться и начали затухать. Но зарастить то, что уже выгорело, он не смог. Снова зарычал и перевёл взгляд на меня.

Настолько красноречиво посмотрел, что в его чёрных зрачках я в мельчайших подробностях увидел очередного шутника-следователя, который говорит своим коллегам про мой труп: «Вскрывать-то уже нечего, тут собрать бы...»

Псих прыгнул на меня с такой скоростью, что пострадавшая рука всё-таки оторвалась. Я выстрелил за мгновение до того, как существо костлявой грудью выломало дробовик из моих пальцев. По ушам ударил грохот, а в нос забила вонь поджаренной тухлятины. Острая боль в сломанном пальце показалась мне тем самым последним гвоздём, который забили в крышку гроба. Навалилась желанная спасительная темнота, разлилась по всем нервным окончаниям.

Но отключиться окончательно я не успел.

Левый бок пронзила новая боль. Это псих воткнул в меня когти здоровой руки. Одним ударом пробил лёгкое, погрузив пальцы почти до костяшек. И стал проталкивать и давить дальше, словно хотел добраться до сердца. Почему-то из раны не потекла кровь. Красные капли срывались с кожи и, поднимаясь в воздух, втягивались прямо в рану психа.

Теперь наступила моя очередь непонимающе смотреть то на свою грудь, то на дыру в психе. Вцепился в его руку, попытавшись вырвать её из себя. Но мои пальцы бессильно соскользнули, будто я пытался ухватить не человека, а мерзкого ледяного слизня. Точнее, труп ледяного слизня, который сейчас будто оживал. В отличие от меня.

Мне катастрофически не хватало воздуха. Каждый вдох получался хриплым и рваным, а псих, наоборот, будто успокоился. С пробоиной размером с блюдце что-то творилось. Обуглившиеся края покрылись корочкой, которая тут же начала отваливаться и открывать участки свежей кожи. Его ра-

на застала, а вот мои — нет.

Я понял, что не чувствую ничего. Не чувствую грудь вообще, а вместе с этим нет и боли. Либо я тоже свихнулся, либо мне ввели какую-то сверхсильную анестезию. Вот, значит, как прошлые жертвы выдержали столько пыток, оставаясь живыми.

От этих мыслей почему-то стало смешно. Какая теперь разница, что я нашёл ответ на эту загадку? Коллегам-то не расскажешь — мертвы все, с кем я это обсуждал. Да и меня, похоже, не распотрошат, а выжмут досуха. Высосут всю кровь, все жизненные силы, используя в качестве донора для восстановления. Или регенерации, хотя этот термин пока с трудом прокручивался в голове.

Так не бывает!

Но, видимо, всё-таки бывает. Мутная картинка перед глазами говорила сама за себя. Боль так и не пришла, но навалилась слабость, меня снова потянуло в спасительную темноту...

— Они за всё ответят... — скрипучий шёпот психа на секунду вернул меня к свету. — Им меня не сломить... Они пожалеют... Вы все пожалеете... Вы не меня спрятали, вы себя пытались спрятать... Месть свершится...

Псих как заведённый начал твердить про месть. Его голос звучал всё бодрее. С лица отступила бледность, а рот растянулся в жутком подобии мечтательной улыбки. Настолько противной и раздражающей, что я будто проснулся и решил

ещё подражаться. Беспольный дробовик с треснувшим цевьём валялся на полу. Рядом с ним лежала оторванная рука, так и не выпустившая ребро из пальцев.

— Демид... — прошептал я, вспомнив, как его назвала девушка.

Прошептал едва слышно, но псих дёрнулся, как от удара. Ухмылка сменилась на гневную гримасу, и он резко протолкнул когти ещё глубже в мой бок. Удар получился таким сильным, что я повалился на пол.

— Не смей, — прошипел он мне прямо в лицо, рывком поднимая меня обратно, — произносить моё имя...

Мне очень захотелось ответить. Ляпнуть что-нибудь в духе, что нельзя быть таким обидчивым. Или просто повторить его имя, но добавить, что он долбанный псих. Или вообще плод моего воображения. Ещё больше разозлить, напомнив ему про годы в тюрьме и двух убитых «кукол». Но... зачем? Да и сил не было.

Сил с трудом хватило, чтобы нащупать ребро. Поднять его и воткнуть Демиду в глаз. Почувствовать, как острый край протыкает зрачок и погружается во что-то плотное и упругое, как резина. Псих захрипел и дёрнулся, стараясь уйти от удара, но не смог вырвать вторую руку.

Вернулась боль — видимо, отключилась анестезия. Меня словно током прошило от головы до пяток и обратно. Темнота, которую уже дважды что-то прогоняло, наконец, осмелела и набросилась на меня. Я только и успел, что из послед-

них сил забить ребро глубже, прокрутить его и сломать.

Всё!

Тьма, наконец, меня забрала...

— Да вашу же мать! — простонал я, понимая, что как забрала, так и отдаёт обратно.

Сквозь веки начал пробиваться яркий свет, идущий сразу из нескольких источников. Открыть я смог только один глаз и увидел, что сияние исходит от ребра. Точнее, от начертанных на нём символов. Руны раскалились, словно металл в горне, даже побелели — я инстинктивно разжал пальцы, но обломок остался на ладони, как приклеенный.

Второй обломок, торчащий из головы Демида, тоже пылал. Я очень надеялся, что псих всё-таки уже мёртв. Рана на его груди хоть и уменьшилась, но до конца затянуться не успела. Из выбитого глаза текла густая чёрная кровь. Он и так был худым, но сейчас стал как мумия. И тоже светился.

Я снова посмотрел на руку, потом на белый обломок кости. Когда свечение достигло своего пика, ребро заискрило. Искры стали подниматься над моей рукой и висеть сантиметрах в десяти — я заворожённо за ними наблюдал, как если бы на костёр ночью смотрел.

Вот только над костром такие крохи практически сразу тают, а эти, долговечные, как рой маленьких пчёл, накапливались до тех пор, пока остатки кости не рассыпались в

прах. Тогда, задрожав, вся стайка потянулась ко мне, словно их пылесосом всосало. Наверное, я к тому моменту уже бредил, потому что ясно увидел, как искорки впились в мою кожу, заставив светиться вены. Этот свет побежал вверх и вниз, заполняя каждый сосудик.

Жжение, сначала слабое, нарастало. Уже буквально через пару секунд чесаться захотелось с такой силой, что и не жалко было и содрать с себя кожу. Мне показалось, что в крови у меня бензин, а то и напалм, и он прямо сейчас горит, разливаясь по всему телу. Жжение перекинулось на плечо, потом на грудь, обхватило шею, лишая меня возможности дышать, и я снова отключился, успев заметить, что вокруг Демида разлетается чёрный пепел.

Не знаю, как долго я был без сознания в этот раз. Не знаю, в какой момент очнулся и вытащил когти Демида из-под рёбер.

В бреду мне мерещились красные всполохи мигалок и лица моих коллег: Маргарита, Палыча, Макса. Можно ли считать, что я нашёл их убийцу и раскрыл это дело? Как мне составлять отчёт, чтобы меня самого не сочли психом? Я, вроде спрашивал у них самих, но никто из коллег мне не ответил, и даже мигалка постепенно погасла, умчавшись от меня в тёмную даль.

В следующий раз я очнулся, когда грохнула входная дверь и послышались торопливые шаги. Кто-то шастал по моей квартире, как у себя дома. Заглянул в комнату и начал топ-

таться совсем рядом со мной. С едва заметным ветерком, будто ко мне кто-то резко наклонился, добавился запах сладких духов.

С огромным трудом, будто к каждой ресничке привязали по арматуре, я приоткрыл один глаз и увидел красивое женское лицо. Сначала тупо подумал, что это ангел. В памяти медленно всплыло имя — Марьяна.

Вблизи она была ещё прекраснее, чем я её запомнил при первой встрече.

Она наклонилась надо мной, держа в руке пистолет. Зачем ангелу направлять на меня пистолет? Я попытался пошевелиться, но даже не почувствовал руку.

— Ты что делаешь? — раздался встревоженный мужской голос. Звук шагов.

— Помочь ему хочу. Он же всё равно не выживет. Демид его почти всего перекачал. Парень порван, весь поломан и облучился некронитом. Люди с таким не живут, только промучается дольше.

— Так он уже не совсем человек, — возразил мужчина, которого я не видел. — Он теперь один из нас.

— Не говори чепухи, — фыркнула Марьяна. — Если он поглотил силу Демида, то он тем более покойник. Он бы такую мощь физически не выдержал. Ты же знаешь, как это работает?

— Я знаю, что никто не знает, как это работает, — усмехнулся мужчина.

— Так я тебе напомним. — Дуло пистолета качнулось появилось перед моими дрожащими ресницами. — В девяноста процентах случаев неподготовленный человек умирает сразу, как впитает «Искру». Ещё пять процентов превращаются в овощ. Опасный овощ, который может лопнуть и изгадить половину этого района. И это мы говорим про обычную «Искру», а не про Демида — главу целого Дома и последнего его представителя.

— Но есть же ещё пять процентов, — мягко и отчасти наставительно сказал мужчина.

— Это всё равно на грани погрешности, — продолжила спорить Марьяна. — Может, его просто усилит, хотя по нему сейчас и не скажешь. Может, только один какой-то навык передастся. Может, чужая сила его поглотит и сотрёт личность. А в случае с Демидом иначе и быть не может.

— Может быть иначе. Он не поглотил силу Демида, он забрал силу, которую Демид приготовил для создания фамильяра, — уточнил мужчина. Раздался такой звук, будто он поскрёб прах, оставшийся от ребра. — Это слабая «Искра», которую придётся развить.

— Придётся? Ты шутишь сейчас? — удивлённо спросила Марьяна. — Пусть даже и фамильяр, но в нём всё равно есть «Искра» Дома Демида. А он и тогда-то не должен был существовать. Другие Дома его сожрут и попросят добавки. А ещё и перессорятся за право сожрать первыми. И что тогда? Война между Домами? Сколько её уже не было?

— Долго, — вздохнул мужчина. — Но для этого есть мы. А этот парень не нарушил наших законов. Наоборот, даже помог. Если Совет решит иначе, так тому и быть, но сейчас убери ствол.

— Ладно, — вздохнула девушка, как мне показалось, с облегчением, а не разочарованием, и дуло пистолета исчезло. — Как он вообще Демида-то смог убить?

— Демид всегда был нетерпелив. И он не изменился за годы под замком, а мир вокруг изменился очень сильно. Я не знаю, как и что он вообще видел и думал сейчас. Многоэтажки, тысячи светящихся окон, неоновая реклама? Одни машины должны были казаться ему вестниками из Нижнего мира... — Мужчина замолчал, возможно, придумывая ещё сравнения. — В любом случае жажда мести точно застирала ему и глаза, и разум. Он поторопился, действуя понятными ему способами, а это была ошибка.

Я это всё слушал, практически ничего не понимая, и всё время пытался сам что-нибудь сказать или хотя бы пошевелиться. Наконец у меня это получилось — я протянул руку. Правда, тут же уронил её обратно.

— Видишь, — сказал мужчина. — Он ещё жив и, похоже, хочет что-то сказать.

Я хотел. Много чего хотел сказать и ещё больше спросить, но тело подвело. Губы упрямо отказывались шевелиться, каждый вдох давался с трудом, голос тоже подвёл меня, но я всё же прошептал:

— Не надо мне помогать...

И снова отключился.

Глава 6

Пробуждение произошло как-то совсем уж буднично. Я, наверное, сотни, а то и тысячи раз так открывал глаза, просыпаясь за несколько минут до будильника. Организм просто решил, что хватит с меня отдыха.

Те несколько секунд, пока мои глаза привыкали к солнечному свету, пробивающемуся сквозь жалюзи, я не чувствовал ни времени, ни пространства, ни собственного тела.

Только потом появилось какое-то неудобство. Что-то ныло, а спина затекла.

— Вот теперь всё встало на свои места, — вздохнул я, разглядывая белые стены обычной больничной палаты.

Пусть и с повышенным комфортом, но всё-таки палаты. Я лежал на широкой медицинской кровати с бортиками и неудобным матрасом под задницей. То ли его ещё до меня пролежали, то ли там пряталось плохо прикрытое отверстие. Сбоку была стойка, от которой перед моим лицом свисала ручка, как в автобусе. На тумбочке рядом лежали два пульта: один от кровати, второй от телевизора. Ещё стоял какой-то медицинский монитор, но он был выключен, а ко мне не тянулось никаких проводов, кроме трубки капельницы.

В палате я один. На стене маленький телевизор, в углу холодильник, у окна небольшой столик с пустой вазой и простеньким креслом, в другом углу две двери: одна — встро-

енный шкаф, вторая — туалет. Возле входной двери на стене две таблички: стандартный план эвакуации и перечень инвентаря.

— Странно как-то, — прошептал я, откинувшись на подушку.

Что-то я не припомню, чтобы сотрудников моего ведомства с таким комфортом лечили. Ваза пустая, сетки с мандаринами нигде не видно, а значит, меня никто не посещал. Хотя это как раз-таки понятно...

Сразу стало грустно. Маргарита, Палыч, Макс — не так уж много людей могли бы меня проведать. Но они остались там, на месте аварии. Перед глазами ярко вспыхнули фары встречной машины, пришлось зажмуриться, а заодно попытаться вспомнить, что было дальше. Какие-то странные обрывочные образы... Настолько странные, что кроме как бредовым сном после аварии объяснить их было невозможно.

Я прикрыл глаза, наслаждаясь тишиной.

Но если мне всё это привиделось, то, может, и наши живы?

Эта мысль настолько меня поразила, что я потянулся к одеялу, чтобы проверить рану от когтей. Дёрнулся резко, зацепив катетер, но при этом ещё больше удивился, что палец не в гипсе. На нём даже лангетки никакой не было или хотя бы пластыря. Приободрившись, я сгрёб край одеяла и замер.

Одеяло меня опередило! Передо мной поднялся холмик, зашевелился, вызвав какое-то мерзкое ощущение на коже, и

покатился в мою сторону. Будто по мне что-то ползло. Или прямо из меня вылезло. Что-то холодное, липкое и мерзкое.

Я задержал дыхание. Либо я ещё сплю. Либо ещё нездоров. Задумался над выбором доступного оружия: пульт или игла в катетере?

Край одеяла, наконец, поднялся, и оттуда высунулся какой-то толстый чёрный червяк с двумя усиками.

— Твою же мать, Дуремары херовы! — с облегчением выдохнул я, узнав обычную медицинскую пиявку.

Хотя, может, и не очень обычную. Она была гигантской, настолько, что ей баклажан мог бы позавидовать. Чёрный цвет отливал фиолетовым, и вроде бы даже какой-то узор прослеживался, но его раздуло вместе с телом.

— Что это за больница-то такая? — проворчал я, отстраняясь, чтобы склизкий монстр не прыгнул мне в лицо. На всякий случай отбросил его пультом.

Где-то там пиявка смачно шмякнулась об пол, но, пока я крутился, успел заметить что-то странное на стене за спиной и теперь с удивлением это рассматривал.

Вся стена в изголовье кровати была разрисована рунами. Ровные линии из символов складывались в какой-то орнамент. Дугообразная верхняя линия, по бокам две вертикальных, и несколько плотно сбитых четверостиший или как там пишут эти руны. Их, кстати, нанесли какой-то густой краской, выступающей на пару миллиметров от стены.

Чем дольше я смотрел на стену, тем сильнее мне казалось,

что руны живые, что они пульсируют в такт моему дыханию. Я перестал дышать — и мерцание прекратилось, продолжил — и руны разгорелись по новой. Фигня какая-то! Какой-то художественный кардиомонитор, отслеживающий мои показатели.

Я скинул одеяло и уставился на свой бок. На пять отметин розового цвета, выглядящих так, будто со свежей ранки содрали корочку. Ни швов, ни синяков вокруг — просто отметины, похожие на бледные родимые пятна. На их фоне особенно ярко пылала свежая ранка в форме значка «Мерседеса» — свежий след от зубов пиявки.

— Значит, не приснилось, — севшим голосом пробормотал я, понимая, что опять ничего не понимаю.

В этот момент входная дверь тихонько скрипнула и на пороге появилась медсестра в белом халате. Её шапочка была на манер банданы завязана на затылке. Вкатилась в палату она спиной, толкнув дверь попой. Руки у неё были заняты целой охапкой разноцветных флакончиков и банок. Крупная женщина, с крупными формами, из тех самых, кто коня на скаку остановят и одним махом десяток уколов поставят. При этом лицо выглядело милым и добром. Взгляд, опять же, заботливый.

— Кто это у нас тут такой шустрый? — спросила она игривым тоном.

Вот только смотрела она не на меня, а пухлую пиявку на полу. На меня, правда, тоже посмотрела: оценивающе. Я

быстро запахнулся в одеяло и, кажется, слегка этим разочаровал её.

Что-то с ней было не так. Возможно, я перепутал заботливый взгляд с чем-то... плотоядным. Но потом понял, что в ней чего-то не хватает. При всех её крупных габаритах и отдельных выступающих частях тела не было одной очень важной детали — она не отбрасывала тень. Я посмотрел на потолок, подумав, что, может, в палате свет такой настроили, но и капельница, и монитор, и сама кровать тень отбрасывали. А женщина — нет.

Медсестра подошла ко мне, глядя на руны на стене. Кивнула сама себе и сгрузила все склянки на тумбочку. Подхватила пустую банку и пошла подбирать пиявку.

Я притих. Глаза забегали между окном, дверью и склянками на тумбочке. Судя по верхушкам деревьев, этаж здесь примерно четвёртый, максимум, пятый. Дверь вроде не заперта, но между нами практически стеной стоит женщина. А склянки... Лучше бы не смотрел...

В одной что-то плавало. Какие-то корешки, похожие на имбирь, и самая настоящая заспиртованная змея. И всё бы ничего, но она плавала в прямом смысле этого слова, тыкаясь чёрной головой в стенки. Вроде, гадюка.

Выдыхаем. Фактически смертность от гадюк всего три десятых процента.

Ага! Выдыхаем...

Да какого хрена здесь вообще происходит?

Вопрос застрял у меня в горле, когда я вновь встретился взглядом с медсестрой. Желание о чём-то спрашивать испарилось само собой. По ощущениям, настоящей змеёй здесь была именно она.

Этакий удав. А я, стало быть, кролик, ушки которого торчали над одеялом.

— Это просто витаминки, чтобы силы поскорее вернулись, — улыбнулась медсестра и вылила змеиную настойку в капельницу. Причём вместе со змеёй. — Не волнуйтесь.

Тон был очень добрым, милым и успокаивающим, но почему-то я сразу заволновался и вместо ответов или вопросов просто моргнул.

— Вот и чудненько, — промурлыкала женщина-змея, у которой не было тени. — Отдыхайте. За вами скоро придут.

Минут пять мне ещё потребовалось, чтобы прийти в себя после того, как дверь закрылась. До этого я так и продолжал моргать, пытаясь вспомнить всё, что я знаю о гипнозе и способах борьбы с ними. Оказалось, что ничего. Хотя было один раз интересное дело про мошенника-гипнотизёра, но я не поверил и решил не браться.

Как только наведённое оцепенение прошло, я скинул одеяло и выдернул катетер. Ранка тут же закровила, но я даже рад был почувствовать боль. Она отрезвила меня и я убедился, что не сплю. Осторожно, ожидая подвоха от собственных ног, я слез с кровати и, продолжая за неё держаться, побрёл к шкафу. Когда кровать закончилась, я заставил себя оторвал-

ся и чуть ли не прыжок веры совершил, повиснув на ручке.

Отдышался, а заодно проверил, есть ли тень у меня самого. Есть. Стройная, аккуратная, с чёткими краями. В общем, вполне человеческая.

— Уже хоть какая-то стабильность, — хмыкнул я, открывая шкаф.

Почти пусто. На полке наверху стопка наполненных чем-то пакетов, а внизу белые, чуть ли не бумажные тапочки. У меня дома таких целая пачка, стыренная из разных отелей. Каждый раз думаю, что пригодятся. Вот, наконец-то игодились.

Я, не мешкая, всунул ноги в тапочки. Распаковав один из пакетов, нашёл внутри длинную белую рубашку с короткими рукавами. Не сразу разобрался, как её надеть: разрез и завязки там оказались на спине. Но и с ней справился.

Первым делом поковылял к окну. Раздвинул жалюзи, пытаюсь понять, где нахожусь. Точно в городе, в оживлённом районе, с пробками, но улицу я не узнал. Этаж оказался пятым, но окно не открывалось. Нечем. Отсутствовали ручки.

— Ладно, оставим, как запасной вариант, — глубокомысленно сказал я себе, направляясь к двери.

Приник к ней, вслушиваясь, а потом и приоткрыл. Установился на четыре одинаковых двери по обеим сторонам, а потом перевёл взгляд на двустворчатую и стальную — в конце коридора. Над ней многообещающе зеленела табличка: «ВЫХОД».

Туда я и направился, стараясь не сильно шаркать бумажными тапками по плитке. Из следующей палаты доносился щебечущий голос медсестры. Я торопливо прошёл мимо и, уже почти твёрдо стоя на ногах, приоткрыл дверь. Проскользнул туда и застыл, привыкая к яркому свету и шуму. Примерно в этот момент понял, что в моей палате и в коридоре было абсолютно тихо. Только голос медсестры нарушал эту тишину, но и тот всё время звучал как-то отстранённо, будто под водой. А здесь я словно на поверхность вынырнул. По ушам ударил стандартный шум больницы или какой-нибудь поликлиники.

Передо мной был длиннющий коридор, по которому ходили люди. И обычные больные в цветных халатах, и врачи — в белых. Кого-то везли на каталке со скрипучими колёсами. Впереди гроыхнули двери грузового лифта. Только сейчас проявились и запахи лекарств, кварцевой лампы и овощного консервированного обеда.

На меня вопросительно посмотрел какой-то мужичок, сидевший у двери в ближайший кабинет. На коленях у него лежала толстая медкнижка, а в руках он растягивал гармошку ЭКГ, зачем-то разглядывая её на свет. Какая-то мысль в голубых глазах заставила его вздрогнуть и побледнеть. Мужик разом забыл о своей распечатке, уронил папку на пол и начал озираться по сторонам, тыча в меня дрожащим пальцем.

— Что, мужика в пижаме и тапках никогда не видел, что ли? — спросил я довольно миролюбиво, но мужик от моих

слов затрясся ещё сильнее.

Я обернулся: вдруг там за мной уже кто-то стоит большой и страшный, и увидел табличку на двери: «МОРГ №2. НЕ ВХОДИТЬ».

Не успел я толком осознать надпись, как табличка вместе с дверью подалась назад, и передо мной оказалась давешняя медсестра.

— Кто это у нас тут такой шустрый? — опять спросила медсестра, одарив меня таким же взглядом, что и пиявку ранее, а потом заметила перепуганного мужика и уже не таким елеинным голосом приказала: — Марш в палату, я разберусь.

Что-то эдакое точно было у неё в голосе. Ноги против моей воли понесли меня обратно, а моей воли к сопротивлению хватило только на то, чтобы обернуться на мужика. Медсестра что-то ещё ему сказала, и он сразу успокоился и стал с невозмутимым видом разглядывать свои анализы.

Медсестра обогнала меня в коридоре, заботливо открыв дверь. Пропустила внутрь, поворчала на испорченную капельницу, но менять не стала. Дождалась, пока я вернусь в кровать, а сама взяла пульт от телевизора и втиснулась в кресло. Основательно так, всем своим видом демонстрируя, что больше никуда не уйдёт.

Телевизор включился сразу на новостном канале, который временно отвлёк меня от мыслей о побеге. Я ждал криминальную сводку, рассчитывая что-нибудь услышать про убийства или аварию. Но красивая девушка стала рассказы-

вать о погоде. В городе, оказывается, всё было спокойно. Меня смутила июньская дата, на которую обещали кратковременные дожди.

Жесть! Если я ничего не напутал, то авария произошла три недели назад. Это многое объясняло. И отсутствие следов аварии на моём теле, и провалы в памяти. Я с головой спрятался под одеялом, решив, что в темноте проще будет сфокусироваться на воспоминаниях.

Вернулся к моменту аварии, но в этот раз заставил себя раскрутить картинку дальше, цепляясь за каждый обрывок фразы, за каждый образ. Успел дойти до встречи с Демидом у себя в квартире, но скрип двери выдернул меня из воспоминаний. В том числе из-под одеяла. Я выпрямился, нащупал под подушкой иглу катетера и приготовился. Сам не знал, к чему именно, но приготовился.

Первым в палату вошёл пожилой мужчина, совершенно не похожий на «супера», а скорее на Палыча на пенсии. Мужчина выглядел уставшим, невыспавшимся и рассеянным. На этот образ работал и мятый серый плащ, и стаканчик кофе из автомата в одной руке, и типовая картонная папка с делом в другой. Он напомнил мне Колombo — детектива из моих любимых детских сериалов.

Сразу за ним порог перешагнули два представителя какого-то специального отряда. Только я не знал какого. Такие с успехом могли быть героями фильма «Люди в чёрном», местными санитарами или охраной президента: цеп-

кие взгляды, широкие плечи, опасные чемоданчики в руках. Первый тут же впился в меня взглядом, а второй быстро проверил шкаф и санузел, а потом остановился у окна.

В палате сразу стало тесно и звук телевизора пропал. Хотя я был готов поклясться, что медсестра вскочила и вытянулась по стойке смирно, не трогая пульт. Судя по её напряжённому взгляду, этот скромный «Коломбо» был какой-то важной шишкой.

Он остановился у моей кровати и какое-то время молча разглядывал то меня, то руны на стене. Я тоже молчал, пытаясь понять, кем я прохожу по делу: подозреваемым, потерпевшим или свидетелем. Крутил в голове варианты вопросов, которые накопились у меня.

— Да, задали вы нам задачку, — первым нарушил молчание «Коломбо», а потом посмотрел на медсестру: — Он стабилен?

— Более чем, — кивнула женщина. — «Искра» прижилась, но она настолько слабая, что я еле её чувствую.

— Даже так? — удивлённо приподнял бровь Коломбо. — Впрочем, это дела не меняет.

— Вы кто? — осторожно спросил я, решив, что «дело» всё-таки мне «шьют».

— О, простите мою забывчивость, — совершенно неискренне улыбнулся «Коломбо». — Давненько у нас не было таких случаев, как ваш. Отвык, понимаете ли. Меня зовут Богдан Судиславович, я старший... — Он задумался на се-

кундочку, то ли оценивал эффект от имени (а отчество его мне совершенно не понравилось), то ли подбирал слова. — Пусть будет старший инспектор.

— Инспектор чего? — уточнил я.

— Эх, как бы вам всё это объяснить-то? Так, чтобы мы тут с вами на неделю не засели, — уже с искренним вздохом произнёс Богдан Судиславович.

— Может, брошюрка какая специальная есть? — ляпнул я.

— Смешно, — сухо ответил мужчина. — Но нет. Последний раз мне такое объяснять пришлось, дай Велес памяти, лет двести назад. М-да, задачка...

«Коломбо» снова посмотрел на руны, а потом на своих бойцов. Может, мне показалось, но здоровяк у окна осторожно кивнул на чемоданчик в руке, а Богдан слегка пожал плечами.

— Вы же уже поняли, что в этом мире есть вещи, которые не должны существовать, — наконец собрался с мыслями Богдан Судиславович и начал свою лекцию: — но они существуют. Мы называем это «Искрой».

Инспектор посмотрел на меня, будто ждал уточняющих вопросов. В моей голове их был вагон и десяток маленьких тележек, но я в очередной раз просто моргнул.

— Это не магия, — сказал Богдан. — И не суперспособности. И точно не дар. «Искра» — это своего рода след. Отпечаток, если угодно. Отпечаток чего-то древнего, что века-

ми жило рядом с людьми. Когда-то люди называли «Искру» богами или духами. Но могли бы с тем же успехом называть чудовищами, святыми, бесами. Это совершенно не важно. Если не вдаваться в подробности, то этот след иногда... находит себе носителя.

— И что теперь? — осторожно спросил я, чувствуя, как внутри меня что-то закипает.

Над моей головой ярко вспыхнули руны, медсестра ойкнула, а пиджаки, выставив чемоданчики в роли щитов, синхронно собрались достать что-то из-за пояса.

— Даже так? — удивлённо произнёс Богдан и жестом велел напрягшейся охране успокоиться. — И теперь мы должны понять, во что именно вы превратились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.